

Титов А.А.

Реформы Александра II и их судьба

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А.А. Т.**
Реформы Александра II и их судьба / Титов А.А. – М.: Книга по Требованию,
2025. – 214 с.

ISBN 978-5-519-76737-8

ISBN 978-5-519-76737-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Общій очеркъ дореформенной Россіи.

Умирая, императоръ Николай I сказалъ своему сыну - наслѣднику Александру: „Сдаю тебѣ команду, но не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляю тебѣ много заботъ и трудовъ“.

Каждое слово этого предсмертнаго признанія императора Николая Павловича вполне точно опредѣляетъ смыслъ и содержаніе его царствованія.

Въ теченіе тридцати лѣтъ тяжелая рука императора управляла Россіей, какъ военной командой. Въ теченіе тридцати лѣтъ императоръ держалъ эту команду „во фронтъ“, какъ солдатъ на парадѣ. И, какъ на парадѣ, изъ-за мундировъ, застегнутыхъ на всѣ крючки, нельзя видѣть и знать солдата, его душу и его жизнь, нельзя видѣть и знать его дѣйствительныя нужды, его отчаяніе,— такъ и тутъ, въ государствѣ, изъ-за блестящаго разными чиновничьими мундирами фронта, невозможно было видѣть народа, его настоящія неотложныя нужды, его страданія или его отчаяніе. Настоящая жизнь народа и всего государства шла позади всѣхъ шитыхъ мундировъ, никому невѣдомая и некому ненужная, изнемогая подъ гнетомъ крѣпостного права.

Теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ паденія крѣпостного права, надо уже объяснять

смыслъ этихъ ужасныхъ словъ — „крѣпостное право“, и все-таки они окажутся не всегда понятными. Но тогда смыслъ этихъ двухъ словъ — крѣпостное право — былъ очень простъ и понятенъ всѣмъ. Смыслъ этихъ словъ заключался въ томъ, что „по невѣжеству однихъ и по обману другихъ“ (какъ выразился однажды самъ Николай I) одни люди завладѣли другими, какъ вещью, отчего одни люди стали рабами другихъ людей.

Этихъ рабовъ, или, какъ ихъ называли, „крѣпостныя души“, можно было покупать, продавать, обмѣнивать на разныя вещи, проигрывать въ карты, женить или разлучать съ семьями, отнимать ихъ собственныхъ дѣтей, ссылатъ въ Сибирь, поодинокѣ или цѣлыми семействами, мужчинъ сдавать въ рекруты на двадцатипятилѣтнюю солдатскую службу, насиловать, устраивать изъ крѣпостныхъ женщинъ гаремы, или засаживать ихъ съ зари до зари за вышиванія и рукодѣлія, а всѣхъ, — и дѣтей, и женщинъ, и мужчинъ, и молодыхъ, и стариковъ, — принуждать работать на господъ и за всякій пустякъ оскорблять, бить, истязать, пороть на конюшняхъ, и даже, почти всегда безнаказанно, замучивать насмерть.

Вотъ такое-то рабство однихъ людей и полная власть другихъ надъ ними и называлось *крѣпостнымъ правомъ*, на которомъ и держалась вся тогдашняя жизнь русская.

При такомъ порядкѣ, конечно, не могло быть и рѣчи объ образованіи и просвѣщеніи народа, о хорошихъ судахъ, о хорошемъ и справедливомъ управленіи жизнью народа и его хозяйствомъ. Все основывалось на *даровомъ* обязательномъ

трудѣ крѣпостныхъ, и это дѣлало всѣ отношенія противоестественными.

Такой порядокъ приводилъ къ тому, что честь, совѣсть, уваженіе къ человѣку, уваженіе къ закону, сознаніе долга передъ родиной,—все это вытравлялось у огромнаго большинства „господъ“ съ самаго дѣтства, такъ какъ постоянно вокругъ себя они видѣли безчестные поступки, насилія, жестокость, подкупы властей для безнаказанности этой жестокости, — и скоро свыкались съ такими порядками и привыкали считать ихъ не только выгодными, но и справедливыми. Конечно, между помѣщиками встрѣчались и хорошіе, образованные и добрые люди. Но такихъ было очень мало, и эти немногіе если и могли что-нибудь сдѣлать для крестьянъ, то только для тѣхъ, которыми они сами владѣли. Крѣпостныхъ же людей были десятки милліоновъ, и, конечно, хорошее отношеніе нѣсколькихъ помѣщиковъ было каплей въ морѣ для всѣхъ милліоновъ безправныхъ рабовъ.

Между тѣмъ при императорѣ Николаѣ I нечего было думать объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Правительство испуганное революціонными движеніями въ Западной Европѣ боялось какихъ-либо переменъ, думая, что эти перемены могутъ вызвать революцію и въ Россіи. Оно ставило своей задачею возможно болѣе усилить власть и не допускать распространенія изъ Западной Европы новыхъ идей, оберегать Россію отъ этой западной „заразы“. Поэтому сурово подавлялись всякія стремленія къ свободѣ; препятствовали развитію просвѣщенія и образованія; задерживали научныя сочиненія; въ газетахъ и журналахъ запрещалось критиковать

и обсуждать дѣйствія правительства и говорить о событіяхъ въ Западной Европѣ. Доходы и расходы государства, исчислялись и производились тайно; отчеты о нихъ не публиковались и т. д.

Чтобы поддерживать такой порядокъ, правительству Николая I пришлось завести цѣлую армію чиновниковъ, исписывавшихъ милліоны бумагъ. А такъ какъ всѣхъ этихъ милліоновъ бумагъ не только невозможно было внимательно разобрать, но даже хотъ проглядѣть, то въ этомъ бумажномъ царствѣ тонули безъ слѣда и преступленія, и вопіющія народныя нужды, и распоряженія правительства.

Снаружи, казалось, все было въ порядкѣ и шло хорошо. Внутри же, на самомъ дѣлѣ, царило крѣпостное право, царили чиновники и полный произволъ безчисленнаго начальства.

Когда началась знаменитая крымская война, то все неустройство русской жизни проявилось во всей силѣ. Въмѣсто образцовой на парадахъ арміи оказалась армія плохо одѣтая, плохо обученная, плохо вооруженная. Денегъ на веденіе войны занять было негдѣ, такъ какъ никто изъ иностранныхъ государствъ, не зная ни доходовъ ни расходовъ Россіи, не соглашался дать ей денегъ взаймы. На гниломъ продовольствіи для несчастной арміи наживались и интендантствомъ и поставщиками безумныя деньги. Между тѣмъ огромный флотъ союзниковъ обложилъ Севастополь, и послѣ одиннадцатимѣсячной ужасной осады отъ него остались развалины, и онъ сдался непріятелю. Императоръ Николай I не перенесъ обрушившагося на него и на чиновную Россію разгрома и умеръ въ 1855 году, не доведя войны до конца.

Къ окончанію войны всѣ поняли, что система управленія Николая I и всѣ ужасы, соединенные съ ней, крѣпостнымъ правомъ, отсутствіемъ просвѣщенія, хорошихъ законовъ, судовъ и проч., не могутъ дольше продолжаться. Умѣренные образованные люди того времени, возмущенные тьмой и безправіемъ, въ которомъ политика Николая I держала Россію, видѣли въ неудачной войнѣ справедливое возмездіе за эту политику. Такъ, писатель И. С. Аксаковъ прямо говоритъ въ своихъ письмахъ, что Севастополь долженъ былъ пасть, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы“. А. И. Кошелевъ заноситъ въ свои записки мысль, что „даже пораженіе Россіи сноснѣе и для нея даже и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время“. Поэтъ А. С. Хомяковъ 31 января 1854 г. писалъ своему другу А. Н. Попову: „Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на бессмысліе, и мнѣ чувствуется страшная беспомощность (Николая I и его правительства, подразумѣваетъ Хомяковъ), скрываемая подъ плохую личиною спокойствія и надежды“.

Смерть Николая I, которой никто не ожидалъ, произвела всюду огромное впечатлѣніе. За границей русскіе изгнанники поздравляли другъ друга съ новымъ царствованіемъ какъ съ наступленіемъ новой жизни для Россіи, христосовались на улицахъ, какъ въ Свѣтлый праздникъ. „Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца“, заноситъ въ свой дневникъ цензоръ Никитенко о смерти Николая I. Только въ московскомъ англійскомъ клубѣ, гдѣ проводили свой

досугъ московскіе дворяне, смерть Николая I отмѣчена была, по словамъ Погодина, „холоднымъ удивленіемъ. Послѣ объѣда всѣ принялись играть въ карты“, какъ будто ничего не случилось...

Вступленіе на престолъ Александра II было встрѣчено русскимъ образованнымъ обществомъ съ самыми свѣтлыми надеждами. Заключенный вскорѣ миръ открывалъ возможность приступить къ тѣмъ внутреннимъ преобразованіямъ, неотложность которыхъ была очевидна для многихъ, близко стоявшихъ къ новому государю людей. Преобразованія эти, какъ увидимъ, не замедлили. Но, по многимъ причинамъ, великія начинанія царствованія Александра II не были доведены до конца, а въ дальнѣйшемъ противъ нихъ былъ начатъ долгій и упорный походъ всѣхъ тѣхъ, чьи интересы были задѣты реформами, и Россіи пришлось расплатиться японской войной за то, что естественный ростъ ея развитія по пути, проложенному реформами Александра II, былъ задержанъ усиліями наступившей вслѣдъ за ними реакціи.

Императоръ Александръ II.
(Къ стр. 11.)

ГЛАВА I.

Крестьянская реформа.

Первымъ дѣломъ, за которое должно было взяться правительство Александра II, рѣшившаго приступить тотчасъ по окончаніи крымской кампаніи къ „усовершенствованію внутренняго благоустройства“ Россіи, являлась отмѣна крѣпостного права.

Невозможно было при крѣпостномъ правѣ думать о томъ, „чтобы правда и милость царствовали въ судахъ“; чтобы повсюду развивалось „съ новой силою стремленіе къ просвѣщенію“; въ особенности же невозможно было и мечтать о томъ, чтобы „каждый, подъ стѣною законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ“, наслаждался „плодомъ трудовъ невинныхъ“.

Всѣ эти пожеланія и намѣренія, выраженные въ манифестѣ 19 марта 1856 года, изданномъ по поводу заключенія мира съ западными державами, принимавшими участіе въ крымской войнѣ, — всѣ эти пожеланія разбивались о стѣну крѣпостного права, насквозь пропитанную кровью и слезами народа. А она стояла, казалось, еще крѣпко, несмотря на то, что, по словамъ историка, „русскій народъ никогда не мирился съ крѣпостнымъ состояніемъ. Бунтами, частыми волненіями и преступленіями протестовалъ онъ противъ лишенія его свободы“. Стѣна крѣпостного права, за

которой былъ „міръ печалей и слезъ“, раздѣляла людей русскаго государства на рабовъ и владѣльцевъ. На людей, которымъ дана была власть, почти неограниченная надъ сотнями и тысячами другихъ людей. Въ справедливости этой власти надъ крѣпостными, „подлыми“, какъ говорили тогда, людьми, надъ ихъ трудомъ, надъ всѣмъ ихъ существованіемъ, большинство помѣщиковъ такъ было увѣрено, что всякаго, думавшаго иначе, называли „вольнодумцемъ“, „мечтателемъ“, а то и прямо — измѣнникомъ государю и отечеству“.

Между тѣмъ, съ одной стороны, среди дворянъ, получавшихъ хорошее образованіе и воспитаніе, все больше и больше встрѣчалось уже людей, возмущавшихся до глубины души ужасами крѣпостного состоянія, хотѣвшихъ искренно скорѣйшей отмѣны его, т.-е. освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; встрѣчались попытки со стороны немногихъ изъ такихъ помѣщиковъ отпускать своихъ крестьянъ на волю.

Кромѣ того, постепенно крѣпостное помѣщичье хозяйство разстраивалось. Имѣнія свои и своихъ крѣпостныхъ помѣщики все чаще закладывали въ государственныя кредитныя учрежденія. Такимъ образомъ оказалось въ залогъ до двухъ третей дворянскихъ имѣній и крѣпостныхъ душъ. Долгу къ 1859 году оказалось на дворянскихъ заложенныхъ имѣніяхъ до 450 милліоновъ рублей.

Такъ что, по словамъ историка (проф. Ключевскаго), „если бы мы предположили вѣроятность дальнѣйшаго существованія крѣпостного права еще на 2—3 поколѣнія, то и безъ законнаго акта, отмѣнившаго крѣпостную зависимость,